

УДК 130.2:141

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Поступила: 29.05.2022

Принята: 10.01.2023

Опубликована: 10.04.2023

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Филин Дмитрий Анатольевич

Кемеровский государственный институт культуры (Кемерово)

Константин Николаевич Леонтьев был философом особого склада. Эстетика была доминантой его творчества. основополагающей интуицией последнего была любовь к жизни, к миру прекрасного. Для Леонтьева эстетический критерий являлся всеобъемлющим основанием оценивания бытия. Но чистой эстетике природы в его творчестве уделено сравнительно мало места. У Леонтьева, в отличие от Владимира Соловьёва, нет ни одной специальной работы, посвященной красоте природы. В его художественной прозе описания природы занимают относительно небольшой объем. Отчасти это объясняется максимализмом леонтьевской природы, а также его любовью к антитезисности мысли. Он не желает писать много о предмете, о котором, по его мнению, невозможно сказать ничего нового. Иногда в художественной прозе Леонтьева образы природы выступают символами социального бытия, внутреннего мира его героев. При этом примечательно, что ряд леонтьевских произведений начинается именно с пейзажных зарисовок. Он явно предпочитает динамически раскрывающиеся образы прекрасного. Вообще, этот мир для него невозможен без борьбы противоположностей. Антигуманизм средств, направленных на поддержание цветения бытия, «уравновешивается» в эстетике Леонтьева гуманной целью — признанием их необходимости для сохранения естественного разнообразия форм и красок мира. Таким образом, социально-антропологические аспекты в творчестве Леонтьева занимают особое место. Они доминируют над эстетикой природы. Последняя сопряжена с ними. То и другое мыслится мыслителем в контексте единого космического целого. Константин Николаевич много пишет о чувственной красоте мира, а не об умопостигаемой красоте Бога. Он особенно ценит яркие и сложные явления бытия.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, жизнь, красота, эстетика природы, социальное бытие, творчество, борьба противоположностей.

Для цитирования:

Филин Д.А. Социально-антропологический аспект концепции К.Н. Леонтьева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 1. С. 63–70. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Received: 29.05.2022

Accepted: 10.01.2023

Published: 10.04.2023

SOCIO-ANTHROPOLOGICAL ASPECT OF K.N. LEONTIEV'S CONCEPT

Dmitriy A. Filin

Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo)

Konstantin Nikolayevich Leontiev was a philosopher of a particular mentality. Aesthetics was the dominant of his work. Love for life, for the world of the beautiful was Leontiev's fundamental intuition. For the phi-

philosopher, the aesthetical criterion was an all-embracing base for assessment of the being. However, the pure aesthetics of nature is not given much attention in his works. Unlike Vladimir Solovyov, Leontiev does not have a single special work devoted to the beauty of nature. In his fiction works, the descriptions of nature occupy relatively small space. Partly it can be explained by Leontiev's maximalism and also by his love for antitheses. He does not want to write a lot about the subject which it is impossible, in his opinion, to say something new about. Sometimes the images of nature in Leontiev's fiction works are symbols of the social being, of his heroes' inner world. Remarkably, a number of Leontiev's works begin with landscape descriptions. The philosopher evidently prefers dynamically revealing images of the beautiful. In general, this world is impossible for him without the struggle of opposites. The antihumanism of means aimed at supporting the blossoming of the being is «counterbalanced» in Leontiev's aesthetics by the acceptance of their necessity for maintaining the natural variety of the forms and colors of the world. Thus, the socio-anthropological aspects have a special place in Leontiev's works. They predominate over the aesthetics of nature. The latter is associated with the former. Both are conceived by the philosopher in the context of the cosmic whole. Leontiev writes a lot about the sensory beauty of the world but not about God's beauty perceived by intellect. He particularly appreciates bright and complicated phenomena of the being.

Keywords: Konstantin Leontiev, life, beauty, aesthetics of nature, social being, work, struggle of opposites.

To cite:

Filin D.A. [Socio-anthropological aspect of K.N. Leontiev's concept]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, issue 1, pp. 63–70 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-1-63-70>

Константин Николаевич Леонтьев занимает особое место в русской философии. Эстетика была доминантой его творчества. Однако оно было так многогранно, что для ряда исследователей убедительным было только одно леонтьевское единство: это не православие, не самодержавие, не законы природы, а он сам, его личность [Долгов К.М., 2008, с. 512; К.Н. Леонтьев: pro et contra, 1995b, с. 594; Соловьев В.С., 1988, с. 415]. Такое утверждение вполне правильно, когда речь идет об общем характере творчества Константина Николаевича. Однако, как подчеркивал Алексей Федорович Лосев, личность может рассматриваться не только отвлеченно, сама по себе, как голый диалектический принцип, но и как инобытийное осуществление последнего, а это и есть жизнь [Лосев А.Ф., 1994, с. 215; Франк С.Л., 1996, с. 408]. Любовь к жизни всегда была основополагающей леонтьевской интуицией. Она вмещала в себя все интенции и противоречия его творчества [Леонтьев К.Н., 2012, с. 189]. Леонтьев пишет о своей эстетике как об эстетике жизни, а не эстетике отвлеченных форм. «Отвлеченное содержание жизни, уловляемое человеческим рефлексом, тенью скользит за явлениями вещественными, и воздушное присутствие этой тени и при взгляде на реальную

жизнь, и при чтении способно возбудить своего рода священный ужас и восторг ... Но приблизьте эту тень так, чтобы она стала не тенью, чтобы она утратила свою эфирную природу - и у вас выйдет труп, годный только для рассудка и науки...» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 8–9]. Реализм по Леонтьеву — это не «безобразие и грубость, как думают многие. Реальность значит верность действительной жизни во всех ее проявлениях» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 98; Леонтьев К.Н., 2014, с. 131–132]. При этом в реальности должно быть как можно больше прекрасного, поскольку эстетика творчества надолго не устоит, если «в самой пластической стороне жизни не будет больше идеализма», — утверждает он [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 632]. Искусство по Леонтьеву цветет на жизни, как на крепком дереве легкий цвет [Леонтьев К.Н., 2003b, с. 16]. «Собственно “жизнь” у него совпадает с “эстетикой”, вернее “эстетика” совпадает с самой “жизнью”», — о чем он проговорился, чеканя свои «безумные афоризмы» в письме Розанову 13 августа 1891 г.: «Итак, и христианская проповедь, и прогресс европейский совокупными усилиями стремятся убить эстетику жизни на земле, то есть самую жизнь» [Бочаров С.Г., 1999, с. 286; Леонтьев К.Н., 2009, с. 19]. Очевидно, что для Леонтьева

оправдание жизни заключается в том, что она является сферой прекрасного. Он подчеркивает, что истинная поэзия правдивее самой жизни, ибо возводит последнюю в перл создания и представляет из себя художественную сущность окружающего нас мира [Леонтьев К.Н., 1993, с. 188; Леонтьев К.Н., 2007а, с. 627]. «Если в творении нет истины прекрасного, которое само по себе есть факт, есть самое высшее из явлений природы, то творение падает ниже всякой посредственной научной вещи, всяких поверхностных мемуаров» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 10]. Без естественного разнообразия жизнь перестанет быть прекрасной. Она придет к печальному знаменателю. И это одно из актуальных положений леонтьевского творчества. Как сохранить естественное разнообразие в обществе? Как избежать экологической катастрофы ввиду стремительного наступления техники на окружающую среду? Вот вопросы, на которые стремился ответить Леонтьев. Вопросы эти и поныне делают для нас особенно важной тему эстетики природы в его творчестве, тем более что для Леонтьева история — это органическое продолжение последней. Он с сочувствием цитирует Джона Стюарта Милля, пишущего о том, что «когда последний дикий зверь исчезнет, когда не останется ни одного дикого свободного леса — пропадет вся глубина человеческого ума, ибо не подобает человеку быть постоянно в обществе ему подобных, и люди извлекли давно уже всю пользу, которую можно было извлечь из тесноты и частных сообщений» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 355]. Глубина мысли зависит от разнообразия жизненных интуиций. Содержание этих жизненных интуиций, не стесненных техникой, человек находит в природе. Поэтому для Леонтьева важны наблюдения и Вильгельма Генриха Рилия. «Он придает большое значение лесу, степным просторам, горам, одним словом, всему тому, что несколько обособляет людей, удаляет их друг от друга и препятствует смешению в одном общем типе» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 355]. По мнению Рилия, только крайний север и юг Германии еще имеют некоторую глубину духа. В средней же Германии люди, их умы и характеры уже измельчали, превратились во что-то неопределенное и бесцветное. Почему? «На юге есть высокие горы и большие леса, говорит он, и потому люди еще не совсем стали похожи на людей средней Герма-

нии. У них есть еще глубина духа, даровитость и своеобразие. В средней Германии — только в прирейнских виноградниках, а не в горах есть у людей что-то свое (кажется, он говорит, особый юмор или особая веселость)» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 356].

В ценностной иерархии Леонтьева мистика (в том числе религия) — это критерий только для единоверцев; этика и политика — для человечества; биология — для органического мира, а вот физика (т.е. астрономия, механика, химия и т.д.) и эстетика — для всего [Леонтьев К.Н., 2012, с. 76]. Константин Николаевич обращает внимание на то, что феноменами прекрасного могут быть предметы абсолютно различных сфер бытия: и «какой-нибудь кристалл и Александр Македонский, дерево и сидящий под ним аскет» [Леонтьев К.Н., 2012, с. 78]. Заметим от себя, что физика уже по пределам явления: в этике и религии ей нет места. Леонтьев не замечает этого существенного различия между предлагаемыми двумя критериями «для всего», однако де-факто всегда и везде это различие демонстрирует. Он видит в явлениях эстетики нечто загадочное, таинственное и даже как бы досадное, потому что «часто эстетика и с моралью, и с видимой житейской пользой обречена вступать в антагонизм и борьбу» [Леонтьев К.Н., 2012, с. 78]. Существование прекрасного невозможно без разнообразия чувств и положений, которые «развиваются благодаря неравенству и борьбе» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 299, 590]. Его автобиографический герой Милькеев (повесть «В своем краю») на вопрос «чем оправдать насилие?» отвечает: «Оправдайте прекрасным. Одно оно — верная мерка на все. Потому что оно само себе цель». Милькеев утверждает, что не стоит бояться зла и борьбы: «Зла бояться! О, Боже! Да зло на просторе родит добро! Если для того, чтобы на одном конце существовала Корделия, необходима леди Макбет, давайте ее сюда, но избавьте нас от бессилия, сна, равнодушия, пошлости и лавочной осторожности. Кровь не мешает небесному добродушию. Жанна д'Арк проливали кровь, а она разве не была добра, как ангел? И что за односторонняя гуманность, исходящая до слезливости, и что такое одно физиологическое существование наше? Оно не стоит ни гроша! Одно столетнее,

величественное дерево дороже двух десятков безличных людей, и я не срублю его, чтобы купить мужикам лекарство от холеры!» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 45–46]. Так в противоборстве противоположностей рождается, по Леонтьеву, космос прекрасного: прекрасен подвиг Жанны д'Арк, но он не был бы возможен без пролития крови; духовная красота Корделии не засияла бы без злодеяний леди Макбет.

Обратим внимание на то, что, когда Леонтьев пишет о столетнем величественном дереве, тут же возникает образ двух десятков «безличных» людей. Это не случайное совпадение. Как ни парадоксально, апология естественного разнообразия сочетается в его творчестве со сравнительно незначительным интересом к теме чистой красоты природы (природной красоте самой по себе). У Леонтьева, в отличие от Владимира Соловьева, нет ни одной работы, специально посвященной этому предмету. Константин Николаевич безусловно любил природу. И даже одно время явно обожествлял ее [Леонтьев К.Н., 2003b, с. 652; Леонтьев К.Н., 2003а, с. 878]. В художественной прозе Леонтьева нет больших (развернутых на страницу или несколько страниц) описаний природы (бледные зарисовки он предпочитает ярким); но соответствующие пассажи его творчества по своему оригинальны и выразительны [Леонтьев К.Н., 2006, с. 289; Леонтьев К.Н., 2002, с. 12; 2006, с. 306; 2014, с. 19]. Две противоположности — природное и социальное — нередко «накладываясь» в них друг на друга, оказывают резонирующее воздействие на читателя. К примеру, в романе «Подлипки» зимний пейзаж плавно перетекает в характеристику внутреннего мира главного героя, становится выражением чувства глубокого одиночества, наполнившего его душу [Леонтьев К.Н., 2000а, с. 347]. Виновник названия повести «Египетский голубь» является символом предвосхищения, предчувствия тревожной и неудачной любви Владимира Ладнева к Маше Антониади [Леонтьев К.Н., 2003а, с. 197]. Красота гордого одиночества героини передается с помощью образа душистой черемухи, растущей среди топкого болота [Леонтьев К.Н., 2003а, с. 249–250]. Если добавить к вышеприведенным образам описание утопающего в садах на берегах реки Тунджи города Адрианополя, то перед нами предстанут почти все отрывки «Египетского голу-

бя», напрямую связанные с природой в этой повести. Одной строкой Леонтьев иногда говорит все. Например, сравнивает Крит с корзиной цветов на грозных волнах моря [Леонтьев К.Н., 2001, с. 26]. Такую краткость отчасти можно объяснить его борьбой с излишней («натуралистической») перегруженностью в деталях, которую он находит у ряда русских писателей. Однако само содержание леонтьевских описаний свидетельствует также и о другом — об акценте внимания на социальном бытии человека. «Чересполосица» образов подчас просто поразительна. Показательны следующее высказывание: «На дворе февраль, и скоро масленица; уже фиалки цветут, роши седых маслин вокруг деревни мирны, густы и тенисты; с террасы виден город, море и корабли; мы на террасе у невесты в доме, и с утра уже в этом доме не смолкает музыка» [Леонтьев К.Н., 2001, с. 10]. Или это: «Бедность здесь не ужасна и не гадка. В ней видно нечто суровое и мужественное. Горы, хижина, чистый воздух и прекрасный климат; здоровые, бронзовые дети. В тех вершинах, где полгода лежит снег, я не был и знаю, что люди там бедны: но и эта бедность не гнила и не грязна. Иначе, как бы сфакиоты могли быть первыми воинами и атлетами острова?» [Леонтьев К.Н., 2001, с. 20]. Социальные и природные объекты здесь стремительно сменяют друг друга. Такая «переливчатость» особенно характерна для «Очерков Крита». Любопытно, что Леонтьев ряд своих произведений начинает именно с описаний природы [Леонтьев К.Н., 2000а, с. 72, 86, 228, 347; 2000b, с. 328; 2001, с. 537; 2003а, с. 7]. Начинает как будто для того, чтобы потом как можно реже обращаться к таковому.

Эстетические интенции Леонтьева очень часто являются интенциями «от противного». Они направлены на разоблачение пошлости внутреннего мира среднего человека. Н.А. Бердяев не прав, когда пишет, что у Леонтьева наблюдается «странная пассивность всех отношений к действительности» [К.Н. Леонтьев: pro et contra, 1995b, с. 109]. Наоборот, страстное стремление подморозить Россию от вторичного смешительного упрощения свидетельствует о своеобразной активности леонтьевской природы. Недаром В.В. Розанов назвал его Кромвелем без меча. В письме к последнему Леонтьев явно демонстрирует социальную направленность своей эстети-

ки: «Опасаясь, что очень немногие поймут слово “эстетика” так серьезно, как мы его с Вами понимаем. Мне кажется, что в наше время большинство гораздо больше понимает эстетику в природе и в искусстве, чем эстетику в истории и вообще в жизни человеческой. Эстетика природы и эстетика искусства (стихи, картины, романы, театр, музыка) никому не мешают и многих утешают. Что касается до настоящей эстетики самой жизни, то она связана со столькими опасностями, тягестями и жестокостями, со столькими пороками, что нынешнее боязливое, слабонервное, маловерующее, телесно само изнеженное и жалостливое (сравнительно с прежним) человечество радо — радешенько видеть всякую эстетику на полотне, подмостках опер и трагедий и на страницах романов, а в действительности — “избави Боже!”. Мне иногда даже кажется, что по мере расширения круга среднего понимания природы и искусства круг эстетического понимания истории все сужается и сужается» [Леонтьев К.Н., 1993, с. 583–584]. Как видим, «настоящую» эстетику жизни Леонтьев противопоставляет всех удовлетворявшей пассивной эстетике природы и искусства. Впрочем, Леонтьев отнюдь не всегда жесток в своих суждениях. Ведь при всех своих «заблуждениях» он был по натуре сердечно религиозным, а главное — добрым человеком [К.Н. Леонтьев: *pro et contra*, 1995а, с. 26]. Повесть А.М. Сливичского «Разоренное гнездо», рассказывающая о печальной судьбе семейства медведей, Леонтьев находит прекрасной, ведь «в ней вовсе нет ни моральных сентенций, ни приторной наставительности. Она действует сильно одним лишь прямым и теплым отношением к действительности: хорошей любовью к жизни. Рядом с кровожадностью, с местью, с жестокой “борьбой за существование”, везде столько человечности, столько доброты» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 163–164]. Офицер, купивший медвежонка, спасает его; но в конце концов последнему не находится места в человеческом обществе. Зверя возвращают в чащу леса, где он умирает в одиночестве от изнеможения сил, занесенный снегом. В итоге получается «свежо, правдиво, поэтично и ... жалко. Особенно хорошо, что жалко! Один знакомый мне 12-летний мальчик прослезился над этой книгой» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 164], да и самому Леонтьеву она напомнила многое из лучших дней его детства.

Взаимоотношения человека со средой его обитания, как мы уже видели, являются важной темой леонтьевского творчества. Узко утилитарное прагматическое отношение человека к природе в эпоху вторичного упрощения приводит к осложнению отношений последнего и природы. В «Среднем европейце» он выступает против машин, против «страсти орудиями мира неорганического губить везде органическую жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и самое общество человеческое» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 344]. Леонтьев пишет о тотальном характере всеобщего смешения. Он в восхищении от речи епископа Никонора (Бровковича), посвященной вреду железных дорог и пара, и вообще слишком быстрого передвижения для природы и человеческой жизни [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 670–677]. Экологическая тема также поднимается им в одной из статей «Варшавского дневника» (1880 г.): «Ученый желает сохранить лучшие предметы научного исследования. А если сохранить их уже нельзя, потому что прогресс их губит вопреки науке (например, некоторых животных, птиц, леса, первобытные дикие оригинальные племена, здания древние и т.д.), то ученый спешит описать их с любовью» [Леонтьев К.Н., 2014, с. 129]. Этот ученый, который пытается сохранить теплоту естественного, — сам Леонтьев. Он использует образы алмаза, тигра, кристалла для того, чтобы подчеркнуть всеобъемлемость своего триединого закона развития. Экологическая же тематика, казалось бы, противоречит логике последнего. Однако это не так. Для Леонтьева усложнившееся наступление человека на природу — это всего лишь орудие гигантской смеси-тельной «толчеи» вторичного упрощения.

Как мы уже подчеркнули, у мыслителя свое понимание гармонии. Гармония, по Леонтьеву, это не мирное согласие феноменов бытия, а борьба — «примирение антитез и в жизни самой, и в искусстве» [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 590]. Такой гармонией полна история, есть она и в мире природы. В этом одна из составляющих пафоса дарвинизма, который во второй половине XIX века становится парадигмальным направлением биологии. Константин Николаевич не принимал учения Дарвина за его «атеистический» характер. Борьба за существование была не чужда эстетическим вкусам Леонтьева, но эволюция на основе случайностей, где нет

места целесообразности, осталась чужда русскому Ницше. Вслед за Н.Я. Данилевским или параллельно ему последний утверждает, что природа и история телеологичны, т.е. в них действует Божественный Промысел, ведущий все к одной ему ведомой цели. Относительные, промежуточные цели являются свидетельствами и символами этой телеологичности [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 740]. Значительно возражать что-то Дарвину в печати Леонтьев не стал, потому что он не был биологом-теоретиком как первый, но в социальном аспекте свои знания использовал. В общем, Константин Николаевич писал об экологическом кризисе сравнительно мало. Он как будто не желал лишней раз заниматься эстетикой природы [Корольков А.А., 1991, с. 26].

Кроме страстной социальной направленности мысли русского Ницше, еще одно объяснение неразности эстетики природы Леонтьева находим в его письме к Иосифу Фуделю. «Тот же кто и чувствует сильно, и форму эту личную нашел, тот наложит свою личную печать на произведение и в том случае, если тема была уже испробована и прежде его лучшими поэтами. Фет и Тютчев писали об осени после Пушкина, и стихи их, несмотря на это, прекрасны. Вообще же и темы лучше выбирать поновее. Я даже Александрову, у которого несомненный лирический дар, говорил, чтобы он о природе, по возможности, бросил писать, ибо после такого периода, как наш русский стихотворный период от Батюшкова, Жуковского и Пушкина до Фета, Полонского, Майкова и Тютчева, что можно сказать о природе нового! Никакого нет сомнения, что и содержание исчерпывается надолго после богатых периодов во всяком роде литературы» [Леонтьев К.Н., 1993, с. 489]. Из всего вышеизложенного ясно, что убежденность в том, что уже ничего нового о природе не скажешь, далеко не единственная причина леонтьевского нежелания писать о ней. Современники Леонтьева И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов оставили нам прекрасные, развернутые на страницы образы родной природы. Леонтьев же, как мы видим, к такой развернутости не стремился. Еще раз подчеркнем: свою роль в этом сыграл и социальный пафос леонтьевского творчества. Очевидно, что общим знаменателем этих причин может выступать общий рисунок леонтьевской мысли: он любит антитезы, любит

мыслить вразрез с мнениями большинства [Леонтьев К.Н., 2014, с. 549–551].

Не случайно Леонтьев пишет о развитии современной ему науки и техники в отрицательном смысле. Он не желает видеть в этом все более и более усложняющимся процессе компенсирующую структуру по отношению к феномену торжества «серых мышей», потому что во всем этом не почувствовал естественной теплоты и поэзии [Леонтьев К.Н., 2007а, с. 134]. Последняя же связана с сокровенной стороной прекрасного. В итоге красота для Леонтьева — это та же истина, но «не ясная, не голая, а скрытая в глубине явления». Чем явление сложнее, тем его красота глубже и непостижимее, полагал он [Леонтьев К.Н., 2014, с. 26; Леонтьев К.Н., 2007а, с. 549]. Здесь предел леонтьевской мысли. Развернутый апофатический дискурс у него отсутствует. Отрицательное богословие — это учение об Едином как о противоположности множественности бытия [Плотин, 2005а, с. 130; 2005b, с. 306]. Леонтьев же пишет о глубине и непостижимости прекрасного на уровне сложных явлений действительности. Он едва выходит за рамки имманентной миру красоты и снова мысленно возвращается обратно в этот мир. Поэтому так исключительно важны для его эстетики аспекты, связанные с внешней красотой предметов, соподчиненностью последних принципу разнообразия всего сущего. Но в разработке этих аспектов он оказался оригинальным и своеобразным мыслителем, не уступающим по силе и значению другим представителям русской философской мысли.

Подведем итоги. В основе творчества Константина Николаевича Леонтьева лежит всеобъемлющая любовь к жизни, к миру прекрасного. Последний для него невозможен без борьбы противоположностей. Антигуманизм средств, направленных на поддержание цветения бытия, «уравновешивается» в эстетике Леонтьева гуманной целью — признанием их необходимости для сохранения естественного разнообразия форм и красок мира. Социально-антропологические аспекты доминируют в его творчестве над эстетикой природы. Она сопряжена с ними. То и другое мыслится им в контексте единого космического целого. Леонтьев много пишет о чувственной красоте мира, а не об умопостигаемой красоте Бога. Ему особенно близки по духу яркие и сложные явления бытия.

Список литературы

Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. 632 с.

Долгов К.М. Восхождение на Афон. Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. М.: Отчий дом, 2008. 720 с.

К.Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. Кн. 1: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг. / сост. А.А. Корольков, А.П. Козырев. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1995. 480 с.

К.Н. Леонтьев: pro et contra: антология: в 2 кн. Кн. 2: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. / сост. А.А. Корольков, А.П. Козырев. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитар. ин-та, 1995. 704 с.

Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 200 с.

Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854–1891 гг. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 640 с.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М.: Эксмо, 2007. 896 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 1. СПб.: Владимир Даль, 2000. 688 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2000. 460 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 3. СПб.: Владимир Даль, 2001. 768 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 4. СПб.: Владимир Даль, 2002. 1045 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 5. СПб.: Владимир Даль, 2003. 934 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6, кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. 820 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7, кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. 1023 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8, кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. 640 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8, кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2009. 1408 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. 976 с.

Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Приложение. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2012. 752 с.

Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Наука, 1994. 920 с.

Плотин. Шестая эннеада. Трактаты I–V / пер. с древнегреч. и послесл. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 480 с.

Плотин. Шестая эннеада. Трактаты VI–IX / пер. с древнегреч. и послесл. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2005. 416 с.

Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 824 с.

Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. 740 с.

References

Bocharov, S.G. (1999). *Syuzhety russkoy literatury* [Subjects of the Russian literature]. Moscow: Yazyki Russkoy Kul'tury Publ., 632 p.

Dolgov, K.M. (2008). *Voskhozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozertsanie Konstantina Leont'eva* [Ascent Athos. Konstantin Leontev's life and world-view]. Moscow: Otchiy dom Publ., 720 p.

Frank, S.L. (1996). *Russkoe mirovozzrenie* [Russian world-view]. St. Petersburg: Nauka Publ., 740 p.

Korol'kov, A.A. (1991). *Prorochestva Konstantina Leont'eva* [Konstantin Leontev's prophecies]. St. Petersburg: SPbU Publ., 200 p.

Kozyrev, A.P. and Korol'kov, K.N. (eds.) (1995). *K.N. Leont'ev: pro et contra: v 2 kn. Kn. 1: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'yeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley 1891–1917 gg* [K.N. Leont'ev: pro et contra: in 2 books. Book 1: The Personality and work of K. Leontiev as evaluated by Russian thinkers and researchers, 1891–1917]. St. Petersburg: RHGI Publ., 480 p.

Kozyrev, A.P. and Korol'kov, K.N. (eds.) (1995). *K.N. Leont'ev: pro et contra: v 2 kn. Kn. 2: Lichnost' i tvorchestvo K. Leont'yeva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley posle 1917 g.* [K.N. Leont'ev: pro et contra: in 2 books. Book 2: The Personality and work of K. Leontiev as evaluated by Russian thinkers and researchers, after 1917]. St. Petersburg: RHGI Publ., 704 p.

Leont'ev, K.N. (1993). *Izbrannye pis'ma 1854–1891gg.* [Selected letters 1854–1891]. St. Petersburg: Pushkinskiy Fond Publ., 640 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 1, 688 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 2, 460 p.

Leont'ev, K.N. (2000). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 3, 768 p.

Leont'ev, K.N. (2002). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 4, 1045 p.

Leont'ev, K.N. (2003). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 5, 934 p.

Leont'ev, K.N. (2003). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 6, book 1, 820 p.

Leont'ev, K.N. (2006). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 7, book 2, 1023 p.

Leont'ev, K.N. (2007). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 8, book 1, 640 p.

Leont'ev, K.N. (2007). *Vostok, Rossiya, Slavyanstvo* [East, Russia and the Slavs]. Moscow: Eksmo Publ., 896 p.

Leont'ev, K.N. (2009). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 8, book 2, 1408 p.

Leont'ev, K.N. (2012). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t. Prilozhenie. Kn. 1* [Collected works and letters: in 12 vols. Supplement. Book 1]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 752 p.

Leont'ev, K.N. (2014). *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 12 t.* [Collected works and letters: in 12 vols]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., vol. 9, 976 p.

Losev, A.F. (1994). *Mif. Chislo. Suschnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Nauka Publ., 920 p.

Plotin (2005). *Shestaya Enneada. Traktaty I–V* [Plotinus. The sixth Ennead. Essays 1–5]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 480 p.

Plotin (2005). *Shestaya Enneada. Traktaty VI–IX* [Plotinus. The sixth Ennead. Essays 6–9]. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publ., 416 p.

Solov'ev, V.S. (1988). *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 2, 824 p.

Об авторе

Филин Дмитрий Анатольевич

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культурологии, философии
и искусствоведения

Кемеровский государственный
институт культуры,
650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17;
e-mail: dmitri.filin1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0013-3420>
ResearcherID: HSG-7192-2023

About the author

Dmitriy A. Filin

Candidate of Philosophy, Docent,
Associate Professor of the Department of Culturology,
Philosophy and Art History,

Kemerovo State Institute of Culture,
17, Voroshilov st., Kemerovo, 650056, Russia;
e-mail: dmitri.filin1@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0013-3420>
ResearcherID: HSG-7192-2023